

УНИКАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ, НЕКРОТИЗМЫ ИЛИ ВЕРБОИДЫ? (О ПЕРИФЕРИИ ЛЕКСИКОНА)

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 1 (43)

УДК 81'373.7-042. 2:81-11

DOI:10.24144/2663-6840/2020.1(43).257–262

Федосов О., Угриняк Ш. Уникальные компоненты, некротизмы или вербоиды? (о периферии лексикона); кількість бібліографічних джерел – 15; мова російська.

Аннотация. Статья посвящена исследованию *уникальных компонентов* во фразеологических единицах, и не только. Авторы утверждают, что общепринятый во фразеологии термин *некротизмы* не отражает реальную ситуацию на периферии лексикона. В настоящей статье, опираясь на опыт чешской школы, мы обратимся к теме уникальных компонентов с привлечением данных трех языков: русского, чешского и венгерского. Ввод в научный дискурс данных из венгерского языка важен потому, что позволит сравнить ситуацию в индоевропейских (славянских) языках (русский и чешский) с ситуацией в языке другого типа. Чешский термин *моноколокабельные слова* (МС) считаем приемлемым компромиссом, т.к. за ним стоит намерение охватить все слова / словоформы с экстремально ограниченной сочетаемостью, которые не «умерли», а «живут» на периферии языка. Делается попытка показать, что лексемы с ограниченной сочетаемостью, или *вербоиды*, являются универсальным явлением, а их изучение важно для понимания функционирования всего словарного запаса языка. Традиционные словари обычно не принимают во внимание факт, что слова (лексические единицы) в центральной части словарного запаса по одному из основных параметров (по сочетаемостной способности) значительно отличаются от лексических единиц, «живущих» на периферии лексикона. Современные корпусные исследования на большом объеме материала показывают, что периферия всегда существует, и позволяют идентифицировать периферийную лексику в словарном запасе. Спецификой уникальных компонентов в венгерском языке является то, что процесс идиоматизации на 80 % начинается уже на уровне словообразования и словосложения, а не словосочетания, как в русском или чешском языках (*не видно ни зги* или *nechat někoho na holičkách*). Очевидно, что фразеологичность необходимо изучать не только на уровне словосочетаний (синтагм), но и на уровне предложения (пропозициональные фразеологические единицы), а также на уровне сочетания морфем и/или словоформ. Сложные слова с уникальными компонентами представляют здесь некий «промежуточный» слой между стандартным и фразеологическим лексиконом.

Ключевые слова: фразеологизмы, уникальные компоненты, вербоиды, периферия словарного запаса, корпус, тип языка, универсальность.

Постановка проблемы. Чем существенно отличаются друг от друга такие русские (и чешские) глаголы, как *прийти* и *разуть* / *разуться* (в чешском: *přijít – zout / zout si*)? Параметров различий, конечно же, много, и по формально-морфологическим, и по семантико-синтаксическим характеристикам, но сейчас речь о другом: о сочетаемостных потенциалах этих глаголов (combinatorial potential of lexeme), иначе говоря, о способности данных слов присоединять к себе другие слова, создавать устойчивые или неустойчивые словосочетания, приемлемые и осмысленные для данного языка. У глагола *прийти* в русском языке толковый словарь [БТС 2004, с. 978] выделяет 8 значений и несколько идиоматических сочетаний. Примеры: *прийти домой* / *пришёл автобус* / *дорога пришла к дому* / *вчера пришла телеграмма* / *мысль пришла* / *прийти в норму* / *прийти к власти* и т.д., а «за ромбом» даны примеры фразем: *прийти к шапочному разбору* / *мне пришло в голову* и др. Для глагола *разуть* тот же словарь [БТС 2004, с. 1083] приводит всего лишь одно значение (снять с кого-л. обувь) с иллюстрациями: *разуть ребёнка* / (*раздеть и*) *разуть больного* и идиому-высказывание *Разуй глаза!* Примерно похожую ситуацию мы обнаружим и

в чешском языке, где для глагола *přijít* толковый словарь [SSČ 1978, с. 417] приводит 21 значение, включая фразеологические. Чешский глагол *zout* означает то же, что и в русском [SSČ 1978: 722]: *zout dítě (z botiček)* / *zout si střevíce* (у возвратной формы), т.е. *разуть ребёнка* / *снять (с себя) тапочки*. Фразем с этим глаголом в чешском нет.

Анализ исследований. Что общего всё это имеет с фразеологией? Основатель чешской школы фразеологии проф. Франтишек Чермак (František Čermák, которому, как и основателю другой школы – Петербургской – профессору В.М. Мокиенко в этом году исполнилось 80 лет) издал в 2014 г. в Праге словарь под названием *Periferie jazyka (Slovník monokolokabílních slov)* / *Периферия языка (Словарь моноколокабельных слов)*, в состав которого включен и глагол *zout / zout si* (т.е. *разуть / разуться*). Сам по себе этот факт не заслуживал бы особого внимания, если не учитывать то, что термином *моноколокабельное слово* Ф.Чермак определяет, помимо прочего, и т.н. *уникальные компоненты фразеологизмов*.

Цель, задачи статьи. В настоящей статье, опираясь на опыт чешской школы, мы вернемся к «старой» теме уникальных компонентов с привлечением данных трех языков: русского, чешского и венгерско-

го. Ввод в научный дискурс данных из венгерского языка важен потому, что позволит сравнить ситуацию в индоевропейских / славянских языках (русский и чешский) с ситуацией в языке другого типа.

Методы и методика исследования. Вначале необходимо сделать несколько терминологических и методологических замечаний. Мы отдаем себе отчет в том, что адаптация термина *monokolokabilní slovo* / моноколокабильное слово (далее МС) в русскоязычном научном дискурсе проблематична. Содержание этого термина, с одной стороны, объясняется просто: речь идет о крайне ограниченной сочетаемостной способности слова (см. примеры выше, разницу между глаголами *прийти* и *разуть*), т.е. о словах, которые сочетаются лишь с одним или всего с несколькими другими словами данного языка. С другой стороны, речь здесь идет об очень непросто вопросе, который касается целой, хотя и периферийной, области словарного запаса (очевидно) любого естественного языка. Если в российской фразеологии и лингвистике уже давно используется термин *коллокация* (устойчивое словосочетание как тип фразеологизма, напр. *зло берёт* – см. Баранов, Добровольский 2008, с. 67), то использование родственных терминов (*коллокативность*, *коллокационный профиль слова*, *коллокабельность* и др.) в русском научном метаязыке неоднозначно. Об этом писал и В.М. Мокиенко в своей рецензии на словарь словацких коллег [Đurčo a kol., *Slovník slovných spojení. Podstatné mená*, Trnava, 2015], в котором описаны словосочетания с именами существительными [Мокиенко 2016, с. 369]. Дело, однако, не столько в терминах, сколько в самих понятиях и в стоящей за ними практике описания разных аспектов сочетаемости слов. Казалось бы, зачем изобретать велосипед, если в русской фразеологии для таких «слов», как русские *баклуши*, *зга (!)*, *балясы* / *лясы*, *карачун*, *стрекач*, *швах* и т.д. давно используется термин *некротизм*, распространен и термин *уникальный компонент*, *оказиональное слово*, а в исследованиях, сфокусированных на лингвокультурологию, говорится о т.н. *безэквивалентной лексике*. В европейской литературе встречается ряд других названий: *cranberry words* (Cranberry Expressions), *hapaх* (Hapaх legomenon). Но все эти термины (и стоящие за ними понятия) как правило нацелены всего на один или несколько аспектов явления. Например, термин *некротизм* уже по сути своей этимологии ассоциируется с «вымершими» (полностью вышедшими из употребления) словами, в то время как современные корпусные исследования показывают, что фраземы и идиомы с МС остаются весьма активным классом во фразеологии живых языков. Чешский (рабочий) термин *моноколокабильные слова* (МС) потому видится нам приемлемым компромиссом, что за ним стоит намерение охватить всю область слов / словоформ с экстремально ограниченной сочетаемостью, которые не «умерли», а «живут» на периферии языка.

Несколько замечаний о **методике** нашего исследования: чешский словарь [Čermák 2014] содержит 3623 *моноколокабильных слова*. Для русского

языка можно насчитать несколько сотен МС (уникальных компонентов), что схоже со списками для венгерского языка [Forgács 2003]. Как мы видим, цифры эти между собою плохо сопоставимы, ведь чисто интуитивно трудно поверить в то, что количество МС в чешском языке на порядки (в десять или больше раз) превышало бы число «уникальных лексем» в русском. Становится очевидным, что дело не в количестве, а в том, что и как мы описываем, изучаем или фиксируем в словарях под понятием *уникальный компонент* / *некротизм* / *гапакс* / *моноколокабильное слово* (МС) и т.д. Поэтому в настоящем сравнительном исследовании мы использовали корпусные и статистические методы не «в строгом смысле», а сосредоточились скорее на влиянии типа языка на характер МС.

Изложение основного материала. Начнем с русского материала. Опубликованная вот уже почти четверть века назад концепция идиоматики А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского выделяет класс идиом на основе трех основных принципов: *неоднословности*, *устойчивости* и *идиоматичности*. В отношении последнего утверждалось, что все его определения сводятся к двум «базовым идеям» – *переинтерпретации* и *непрозрачности* [Баранов, Добровольский 1996, с. 52]. Суть компонентной непрозрачности «заключается в том, что в выражении присутствуют лексические элементы, которые не фиксированы в словаре» [там же, с. 55]. *Фиксированность в словаре*, по нашему мнению, нельзя смешивать с наличием или отсутствием некой словарной статьи в словнике того или иного словаря. Как становится очевидно из ознакомления со словником русских толковых словарей (напр. БТС 2004), они как правило содержат «уникальные» или «непрозрачные» компоненты фразем или идиом в качестве отдельных словарных статей (срав. русские примеры: *антимонии*, *ажур*, *баклуши*, *бзик*, *бирюк*, *востро*, *зеница*, *зга (!)*, *балясы*, *лясы*, *гуж*, *карачун*, *лататы*, *начеку*, *обиняк*, *поклеп*, *раж*, *рожон*, *сторица*, *стрекач*, *тюлька*, *швах*). В словарях они обычно маркированы пометами *устарелое*, *жаргонное*. Если же большинство таких компонентов приводится даже не фразеологическими, а обычными толковыми словарями, то что имели в виду А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, когда писали о том, что такие единицы «не фиксированы в словаре»?

К ответу нас приблизит концепция чешской школы. Подход ко всей проблематике уникальных компонентов во фразеологической концепции Ф. Чермака находит строгое решение, основанное на теории лексической комбинаторики. Ф. Чермак отрицает понятие «степени прозрачности», не считая его лингвистической категорией. Он утверждает, что семантический характер компонентов фразем в основном зависит от их *колокабельности* (В.М. Мокиенко использует выражение: «*коллокабельность*», заключая его в кавычки [Мокиенко 2016, с. 368]), т.е. способности сочетаться, комбинироваться с другими словами, и от степени данной способности. Уникальные компоненты фразем

рассматриваются с точки зрения комбинаторики как экстремальный случай, и не считаются словами в обычном смысле, поскольку их колокабельность ограничивается часто одной единственной или всего несколькими комбинациями. Такие словоформы лишь в разной степени напоминают слова и формально похожи на отдельные части речи. Строго говоря, ни частиречевой характеристики, ни семантики эти *verboiidy* (как называет их Ф. Чермак) не имеют, поскольку *de facto* самостоятельно не существуют. Приводя примеры, такие как: *dokořán, hin, holičku, najevo, nepořizená, paf, potázat se, zálusk, ztraceno* и др., Ф.Чермак пишет, что компонент *holičku* не является существительным не только потому, что не имеет регулярного значения (мы лишь ошибочно приписываем ему это значение на основе значения целой идиомы *nechat někoho na holičkách*, т.е. букв. оставить в беде, подвести), а также не имеет полной парадигмы склонения (из 14 возможных падежных форм в ед. и мн. числе 13 форм отсутствует), но главным образом потому, что эта словоформа самостоятельно не существует, не имея обычной комбинаторной и структурной функции, ее в данном выражении не может заменить другое слово, и сама она не может заменить никакое другое слово в другом контексте [Čermák 1994, с. 606-607]. Поэтому сама «фиксация» якобы-слова **holička* или *holičku* в обычных словарях в несуществующей форме им. падежа ед. и мн.числа [SSČ 1978, с. 119] довольно абсурдна: такого слова (лексемы) попросту нет в чешском языке, а существует (и активно живет в роли компонента достаточно частотной идиомы) единственно возможная словоформа *holičkách*. Точно также абсурдно и «фиксирование» псевдо-слова *zga* (как компонента идиомы *ne vidno ni zgi*) в русском словаре [БТС 2004, с. 361].

Традиционные словари обычно не принимают во внимание факт, что слова (точнее, лексические единицы) в центральной части словарного запаса по одному из основных своих параметров – а именно по сочетаемостной способности – значительно отличаются от лексических единиц, «живущих» на периферии лексикона. Современные же корпусные исследования на большом объеме материала показывают, что периферия всегда существует, и позволяют «выловить» из словарного запаса именно эту «периферийную лексику».

Проиллюстрируем это на нескольких чешских и русских примерах. Чешский национальный корпус (далее ЧНК) предоставляет сегодня, помимо прочего, возможность получить основную информацию о какой-то лексеме в сжатом виде (*v kostce* - <https://www.korpus.cz/slovo-v-kostce/>). Если мы запросим данные по глаголу *zout / zout si* (*разуть*, см. выше), то узнаем, что оно встречается 2,92 раза (т.е. менее трёх раз) на миллион слов в базе данных корпуса современного чешского языка (общий объем текстовых слов в ЧНК давно превышает 4 миллиарда). Вот примеры употребления в текстах: *Leonard si na to zul boty, ale stejně neuspěl. Ludvíček se jen zul. Lékař si před dcerou klekl, aby jí pomohl se zout.*

Используя данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ, ruscorpora.ru) мы можем легко вычислить, что при условии 384 вхождений для глагола *разуть* и 389 вхождений для возвратной формы *разуться* (т.е. всего 773, в чешском же данные по обеим формам не разделяются) на примерно 289 миллионов слов (объем корпуса) этот глагол используется ($773 : 289 =$) 2,67 раза на миллион слов. Сравним теперь произвольную лексему чешского и русского языков с предположительно гораздо более высокой частотностью, чем глагол *разуть*. Для простоты мы выбрали схожие по значениям существительные *služba / служба* (словари приводят 10 значений для чешского и 7 для русского слова): в чешском это 264 употребления на 1 миллион слов, а в русском – 202. Даже без сложного статистического аппарата наглядна огромная разница в частотности употребления глаголов *zout / zout si – разуть / разуться* и существительных *služba / служба*. Интересно при этом, что данные для обоих языков относительно близки: 2,92 / 264 и 2,67 / 202. Если же учесть, что из 384 вхождений для глагола *разуть* 33 случая – это использование идиомы *Разуй глаза!*, то можно сделать интересный вывод о том, что чуть ли не 10% употребления этой периферийной лексики фразеологически связано. Вот примеры из НКРЯ:

Разуй глаза! Посмотри, какое сейчас время! — Ну какое? [Борис Минаев. Детство Левы (2001)].

Скажи ему, чтоб *разул глаза* и поглядел как следует на свою карту [В. Астафьев. Жестокие романсы (2000) // «Знамя», 2001].

Если мы запросим из ЧНК данные для МС (уникального компонента чешской идиомы – см. выше) **holička*, то выясним, что даже в сравнении с «периферийным» глаголом *zout / zout si* это МС употребляется еще реже, всего 1,67 раз на миллион слов, но и в таком экстремально редком статистическом случае считать его некротизмом в смысле «вымершего» слова отнюдь нельзя:

Svěřil se mu se svým odhodláním, se svým nejnítěrnějším rozpoložením, a Léger, elegantní pan Léger, ho v Mnichově nechal na holičkách.

Byl dobrý vypravěč a jeho paměť ho nenechávala na holičkách.

Вернувшись же к первому вопросу в начале нашей статьи об основной разнице между глаголами *прийти* и *разуть* (*přijít – zout / zout si*), мы за считанные секунды (по данным ЧНК и НКРЯ) можем выяснить, что первые употребляются в 546 случаях на миллион слов для русского и 655 раз из миллиона для чешского, а вторые 2,67 раза для *разуть* и 2,92 раза для *zout / zout si*. Цифры говорят сами за себя. Таким образом, чешская концепция МС исходит из объективных данных частотности употребления лексем / словоформ в данном языке и учета специфики их сочетаемостного потенциала. При этом становится очевидным, что одна-две сотни слов, традиционно называемых «некротизмами», составляет лишь небольшую часть всех МС, т.е. слов / словоформ с экстремально ограниченной сочетаемостью. Словарь чешских МС, кроме того,

наглядно показывает, что большинство МС входят в состав ФЕ или словосочетаний-терминов, и даже случай с глаголом *zout / разуть* Ф. Чермак называет «бытовыми терминами».

Остановимся на специфике МС в венгерском языке. Обращение к теме уникальных компонентов в венгерской фразеологии можно считать довольно редким случаем. Примечателен, однако, тот факт, что изучавшие эту тему венгерские специалисты отмечают в составе уникальных компонентов в венгерской фразеологии подавляющее большинство сложных слов, композит, которых здесь не менее 80% [Forgács 2003, с. 9]. Пролистывая любой большой фразеологический словарь венгерского языка, слависты часто испытывают некий дискомфорт. «Наши» фраземы и идиомы здесь часто не идиомы, а сложные слова: *козел отпущения – bűnbak*, *золотое дно – aranybánya*, *золотой телец – aranyborjú*, *голубая кровь – kékvérű* и т.д. Такая ситуация связана с особенностью грамматического строя венгерского языка, а именно с отсутствием четкого различия формы имени прилагательного и имени существительного, т.е. в венгерском лексема *arany* – это одновременно и *золото*, и *золотой*. Можно ли считать в таком случае сложное слово *aranyborjú* (т.е. *золотой телец*) фразеологической единицей, если это нарушает один из главных принципов фразеологичности – неоднословность? Очевидно, что фразеологичность необходимо изучать не только на уровне словосочетаний (синтагм), но и на уровне предложения (пропозициональные ФЕ), а также на уровне сочетания морфем и / или словоформ [Čermák 2007]. Сложные слова представляют здесь некий «промежуточный» слой между стандартным и фразеологическим лексиконом. Приведем всего несколько примеров на сложные слова из книги В.В. Виноградова *История слов* [Виноградов 1999], фразеологичность которых не подлежит сомнению: *вертопрах, голословный, доморощенный, дружелюбный, двуличный, злободневный, злопыхательство, искросыпительный, кривотолк, отсебятина, очковтирательство, свистопляска, скоропалительный, сорвиголова*. Список МС / уникальных компонентов фразем венгерского языка содержит очень похожие по принципу функционирования сложные слова (естественно, это не касается отдельных значений, т.к. речь идет о безэквивалентной лексике): *aranyhorog, aranymadár, bagóhit, bakhatnék, bolondóra, csigaparipa, csigavér, csodaszám, dombmester, ebrúd, egérút, eladásor, fabatka, fagaras, farkasszem, félárbc, kenyértörés, nyúlcipő, ólomláb* и т.д. Подробный анализ около 100 таких МС в венгерском потребовал бы как минимум самостоятельного исследования. В рамках настоящей статьи мы хотели бы лишь обратить внимание на сам принцип идиоматизации, поэтому рассмотрим всего пару примеров. Так, композита *csigavér* возникает слиянием целых слов, т.е. состоит из лексем, а не морфем *csiga* (улитка) и *vér* (кровь), значение которой не выводится из от-

дельных значений двух слов, а является результатом идиоматической переинтерпретации: 'спокойствие / терпение / не торопись' и т. п. Наглядный пример использования этой ФЕ можно каждый день встретить на улицах Будапешта: это название одной из автошкол, которое крупным планом выведено на рекламе на крыше учебного автомобиля! Смысл ясен: *водитель за мной, наберись терпения, перед тобой учебная машина, за рулём ученик!* Словарная же фиксация этой идиомы (?) во фразеологическом словаре являет собой «не-разрешимую» проблему: поэтому одни словари [Forgács 2003, O. Nagy 1994] ее просто не приводят, а словарь [Bárdosi 2003, с. 49] «насиленно» ищет для этой самостоятельной ФЕ «словосочетательное окружение», чтобы соответствовать принципу неоднословности (*Csigavér és nyugalom!* – букв. Улитка+кровь=спокойствие и спокойствие!), хотя любое текстовое (корпусное) исследование покажет, что ФЕ *csigavér* прекрасно может быть использована самостоятельно, а не только как компонент. Другие же МС из списка, например, композита *nyúlcipő* (букв. *заячьи ботинки*) является типичным компонентом развернутой идиомы *nyúlcipőt húz / felveszi a nyúlcipőt* [Bárdosi 2003, с. 255] с букв. значением 'надеть / обуть / натянуть заячьи ботинки', т.е. убежать, спастись бегством, и самостоятельно не используется. Следовательно, спецификой МС / уникальных компонентов в венгерском является то, что процесс идиоматизации/переинтерпретации на 80 % начинается уже на уровне словообразования / словосложения, а не словосочетания, как в русском или чешском языках (*не видно ни зги* или *nechat někoho na holičkách*).

Итоги. Вместо заключения. Недавно (2018) в Праге был издан словарь *Hacknutá čeština 2.0* (игра слов: от англ. to hack, хакерство) с подтитлом «Неортодоксальный словарь». Здесь собраны «несуществующие» в чешском языке слова, композиты, словосочетания, рожденные в виртуальном пространстве чешского интернета (основная их часть – типичные гапаксы, окказионализмы). Для бумажного словаря авторы (журналист и лексикограф) отобрали всего 3000 слов (и выражений), но на сайте, где продолжается сбор материала, «опубликовано» уже более 15 000 слов и выражений. Сбор материала на сайте не прекращался и во время коронавирусной самоизоляции, и мы выбрали для иллюстрации всего несколько таких примеров: *prdom* (práce doma = home-office, *prd* – грубое слово), *covidiot* (человек, игнорирующий правила карантина), *koronaut* (медицинский работник в защитном костюме, по схожести с *космонавт*) и т.д. Речь здесь идет, безусловно, об игре слов, результатом которой становятся *вербоиды*, которые никогда не станут «нормальными» словами чешского языка, но в данный момент они тоже «живут» на периферии чешского лексикона. Поэтому проблему МС надо понимать гораздо шире, изучая это явление во всех его аспектах и на материале разных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность и идиомы. *Вопросы языкознания* 1996/5. С. 51–64.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. Москва, 2008. 656 с.
3. Čermák F. České frazémy a idiomy verbální. *Slovník české frazeologie a idiomatiky 3. Výrazy slovesné* (Red. Fr.Čermák, J.Hronek, J.Machač). Praha, Academia, 1994.
4. Čermák F. Idioms and morphology. *Phraseologie / Phraseology: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / An International Handbook of Contemporary Research* (Herausgegeben von / edited by Harald Burger, Dmitriy Dobrovolskiy, Peter Kühn, Neal R. Norrick) Walter de Gruyter · Berlin · New York 2007. P. 20–26.
5. Виноградов В.В. История слов. Москва, РАН, 1999. 1138 с.
6. Мокиенко В.М. Коллокации – теория и лексикографическая практика (о концепции П. Дюрчо). *Studia Slavica Hung.* 61/2, 2016. С. 363–372.

REFERENCES

1. Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O. (1996) Idiomaticity and idioms [Idiomacity and idioms]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1996/5. S. 51–64 [in Russian].
2. Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O. (2008) Aspekty teorii frazeologii [Aspects of the Theory of Phraseology]. Moskva: ZNAK. 656 s. [in Russian].
3. Čermák F. České frazémy a idiomy verbální. *Slovník české frazeologie a idiomatiky 3. Výrazy slovesné* (Red. Fr.Čermák, J.Hronek, J.Machač). Praha, Academia, 1994 [in Czech].
4. Čermák F. Idioms and morphology. *Phraseologie / Phraseology: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung / An International Handbook of Contemporary Research* (Herausgegeben von / edited by Harald Burger, Dmitriy Dobrovolskiy, Peter Kühn, Neal R. Norrick) Walter de Gruyter · Berlin · New York 2007. P. 20–26 [in English].
5. Vinogradov V.V. (1999) Istoriya slov [The History of the Words]. RAN, Moskva, 1138 s. [in Russian].
6. Mokienko V.M. (2016) Kollokacii – teoriya i leksikograficheskaya praktika [Collocations – the theory and the lexicographical practice (About P. Ďurčo's conception)]. *Studia Slavica Hung.* 61/2, 2016. S. 363–372 [in Russian].

СЛОВАРИ И ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ / DICTIONARIES AND INTERNET SOURCES

1. Bárdosi V. (2003) Magyar szólástár. Budapest, TINTA [in Hungarian].
2. Čermák F. (2014) Periferie jazyka (Slovník monokolokabilních slov). NLN, Praha [in Czech].
3. Forgács T. (2003) Magyar szólások és közmondások szótára. TINTA, Budapest [in Hungarian].
4. Hacknutá čeština 2.0 (2018) (Neortodoxální slovník naše materštiny), Praha [in Czech].
5. O. Nagy G. (1994) Magyar szólások és közmondások (5. kiadás) Budapest [in Hungarian].
6. SSČ 1978 = Slovník spisovné češtiny (pro školu a veřejnost) (1978) Praha, Academia [in Czech].
7. BTS 2004 = S. A. Kuznetsov (ed.) (2004) The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg, NORINT [in Russian].
8. RNC = National Corpus of the Russian Language (www.ruscorpora.ru) [in Russian].
9. ČNK / ČNK = Czech National Corps / Český národní korpus (<http://ucnk.ff.cuni.cz/>) [in Czech].

UNIQUE WORDS OR VERBOIDS? (LANGUAGE PERIPHERY)

Abstract. The article focuses on the linguistic phenomenon of extremely restricted collocability. The authors claim that the term *necrotism*, commonly used in phraseology, does not reflect the real situation on the periphery of the lexicon. In this article, building upon the findings of Czech scholars, the topic of monocollocability is addressed with the involvement of three languages: Russian, Czech and Hungarian. Applying data from Hungarian into scientific discourse is relevant because it allows to compare Indo-European (Slavic) languages (Russian and Czech) with a typologically unrelated language. The term monocollocable words (MW) seems as an acceptable compromise, since it is intended to cover the entire area of words / word forms with extremely limited collocability, which are not „dead”, but „live” on the periphery of the language. An attempt is made to show that lexemes with limited collocability, or verboids, are a universal phenomenon, and their study is important for understanding the functioning of the entire vocabulary of a language. Traditional dictionaries usually do not take into account the fact that words (lexical units) in the central part of the vocabulary differ significantly from lexical units that exist on the periphery of the lexicon by one of their main parameters (collocability). Modern corpus-based research shows that such periphery always exists, and allows to identify the peripheral units of the lexicon. The components of Hungarian are unique in the process of idiomatization that starts at the level of word formation and word structure in 80% of cases, and not at the level of word combinations, as in Russian or Czech (*не видно ни зги* or *nechat někoho na holičkách*). It is obvious that phraseology should be studied not only at the level of word combinations (syntagms), but also at the level of sentences (propositional phraseological units), as well as at the

level of combinations of morphemes and /or word forms. Monocollocable words contain unique components and represent an «intermediate» layer between the standard and phraseological lexicon.

Keywords: monocollocability, phraseology, monocollocability in Russian, Hungarian and Czech, Czech National Corpus, ruscorpora, typology.

УНІКАЛЬНІ КОМПОНЕНТИ, НЕКРОТИЗМИ АБО ВЕРБОЇДИ? (ПРО ПЕРИФЕРІЮ ЛЕКСИКОНУ)

Анотація. Стаття присвячена дослідженню т. зв. унікальних компонентів у фразеологічних одиницях, і не тільки. Автори стверджують, що загальноприйнятій у фразеології термін *некротизми* не відображає реальну ситуацію на периферії лексику. У цій статті, спираючись на досвід чеської школи, ми звернемося до теми унікальних компонентів із залученням досліджень із трьох мов: російської, чеської та угорської. Введення в науковий дискурс даних із угорської мови важливе тому, що дозволить порівняти ситуацію в індоєвропейських (слов'янських) мовах (російській та чеській) із ситуацією в мові іншого типу. Чеський термін *моноколокабельні* слова (МС) вважаємо прийнятним компромісом, тому що за ним стоїть намір охопити всі слова / словоформи з екстремально обмеженою сполучуваністю, які не «померли», а «живуть» на периферії мови. Робиться спроба показати, що лексеми з обмеженою сполучуваністю, або вербоїди, є універсальним явищем, а їх вивчення важливе для розуміння функціонування всього словникового запасу мови. Традиційні словники зазвичай не беруть до уваги факт, що слова (лексичні одиниці) в центральній частині словникового запасу за одним із основних своїх параметрів (за сполучуваністю) значно відрізняються від лексичних одиниць, «живуть» на периферії лексику. Сучасні корпусні дослідження на великому обсязі матеріалу демонструють, що периферія завжди існує, і дозволяють ідентифікувати периферійну лексику в словниковому запасі. Специфікою унікальних компонентів в угорській мові є те, що процес ідіоматизації на 80 % починається вже на рівні словотворення та словоскладання, а не словосполучення, як в російській або чеській мовах (*не видно ни зги* чи *nechat někoho na holičkách*). Очевидно, що фразеологічність необхідно вивчати не тільки на рівні словосполучень (синтагм), але і на рівні пропозиції (пропозиціональні фразеологічні одиниці), а також на рівні поєднання морфем і / або словоформ. Складні слова з унікальними компонентами представляють тут «проміжний» пласт між стандартним і фразеологічним лексикуном.

Ключові слова: фразеологізми, унікальні компоненти, вербоїди, периферія словникового запасу, корпус, тип мови, універсальність.

© Федосов О., Угриняк Ш., 2020 р.

Олег Федосов – доктор філологічних наук, доцент Інституту славістики Університету імені Лоранда Етвеша (ELTE), Будапешт, Угорщина; <https://orcid.org/0000-0002-5541-6543>

Oleg Fedosov – PhD, PhD, Dr. habil., Associate Professor of the Institute of Slavonic Languages, Lorand Etvash University, Budapest, Hungary; <https://orcid.org/0000-0002-1701-3348>

Штефан Угриняк – аспірант Інституту славістики Університету імені Лоранда Етвеша (ELTE), Будапешт, Угорщина; <https://orcid.org/0000-0002-1701-3348>

Shtefan Uhryniak – PhD Candidate, Institute of Slavonic Languages, Lorand Etvash University, Budapest, Hungary; <https://orcid.org/0000-0002-1701-3348>